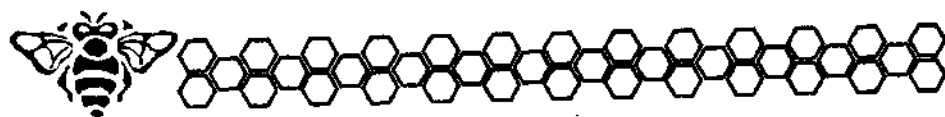

STUDIA PHILOLOGICA

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК

СОЦИАЛЬНАЯ И ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ

Ответственный редактор
Л. П. Крысин

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва

2003

ББК 81.2Рус
С 56

Исследование выполнено при поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
(РГНФ)

проект 97-04-06158

Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)

проект 01-04-16175

Авторы монографии: А. В. Завадворова, Е. В. Како-
рина, М. В. Китайгородская, Л. П. Крысин,
Т. А. Милёхина, Н. Н. Розанова, В. Д. Черняк,
Е. Я. Шмадева

Ответственный редактор Л. П. Крысин
Рецензенты: профессор РГГУ С. И. Гиндин,
член-корр. РАН Т. М. Николаева

С 56

Современный русский язык: Социальная и функцио-
нальная дифференциация / Рос. академия наук. Ин-т рус-
ского языка им. В. В. Виноградова. – М.: Языки славянской
культуры, 2003. – 568 с., ил., вклейка после с. 192. – (Studia
philologica).

ISBN 5-94457-084-9

Книга представляет собой исследование социальной структуры совре-
менного русского языка. На разнообразном языковом материале авторы
показывают, что между языком и обществом, коммуникативные потреб-
ности которого этот язык обслуживает, существуют достаточно сложные и
многомерные связи и зависимости. Они проявляются как в расчленении
языка на социально обусловленные разновидности и в социальной марки-
рованности языковых единиц, так и в речевой реализации системных по-
тенций языка – в сферах политики, средств массовой информации, быто-
вого и семейного общения и т. п.

Особый раздел монографии занимают речевые портреты представите-
лей разных социальных слоев и групп.

Книга адресована филологам-русистам, специалистам в области со-
циолингвистики, теориям речевой коммуникации; она может быть полезна
также всем, кто интересуется процессами, происходящими в русском
языке на рубеже XX–XXI веков.

ББК 81.2Рус

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o
M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G·E·C GAD (fax:
45 86 20 9102, E-mail: slavie@gad.dk) has exclusive rights for sales of this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки сла-
вянской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

ISBN 5-94457-084-9

9 785944 570840 >

© Авторы, 2003

Электронная версия данного издания является собственностью издательства,
и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Оглавление

Введение. Проблема социальной и функциональной дифференциации языка в современной лингвистике (А. П. Крысин)	11
---	-----------

Часть I

Социальная дифференциация системы современного русского национального языка

Глава 1. Формы существования (подсистемы) русского национального языка (А. П. Крысин)	33
Литературный язык	34
Территориальные диалекты	47
Просторечие	53
Профессиональные жаргоны	68
Социальные жаргоны	74
Глава 2. Социальная маркированность языковых единиц (А. П. Крысин)	79
Предварительные замечания	79
1. Социальная маркированность фонетических явлений	80
2. Социальная маркированность акцентных явлений	84
3. Социальная маркированность словоизменительных форм	87
4. Социальная маркированность словообразовательных моделей и отдельных производных	88
5. Социальная маркированность синтаксических конструкций	91
6. Социальная маркированность лексических значений	95

Часть II

Соотношение социальной дифференциации языка и функционально-жанрового членения речи

Глава 1. Современное городское общение: типы коммуникативных ситуаций и их жанровая реализация (на примере Москвы) (М. В. Кутайгородская, Н. Н. Розанова)	103
Предварительные замечания	103
Коммуникативные характеристики городского общения	104
1. Принципы членения коммуникативного пространства	104

2. Коммуникативные типы городского пространства	105
3. Временные характеристики коммуникации	105
4. Партнеры коммуникации в городском общении	106
5. Тема	107
Ролевая структура разных типов коммуникативных ситуаций в современном городском общении	108
Жанровая организация коммуникативного пространства города	111
1. Принципы вычленения жанров речи	111
2. Тенденции жанрового развития современной городской коммуникации	114
3. Малые письменные жанры в городском общении: на пути к диалогу	116
4. Жанровое воплощение типовых ситуаций устного городского общения	120
Глава 2. Активные социолингвистические процессы в сфере городских наименований: московские вывески (М. В. Китайгородская)	127
Введение	127
Актуальные способы номинации	134
Типы названий городских объектов	138
1. Мотивированные названия	138
2. Немотивированные названия	147
Городские вывески как речевой жанр	148
Глава 3. Современная политическая коммуникация (М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова)	151
Предварительные замечания	151
Политическая коммуникация в зеркале дуальной модели русской культуры	152
Тоталитарное и антитоталитарное поведение как основа политической диглоссии в советском обществе	161
Основные тенденции развития современной политической коммуникации	165
Речевая полифония в сфере современной политической коммуникации	167
1. «Язык власти»	168
2. Язык демократической оппозиции	171
3. Язык прокоммунистической оппозиции	174
4. «Голоса» партий и их лидеров	178
«Речевой мир» митинга (московские митинги 90-х)	195
1. Митинг как необходимый этап формирования новых политических институтов	195
2. Митинг сквозь призму его коммуникативных характеристик	197

3. Коммуникативное пространство митинга как жанровый континуум	223
4. Демократические и прокоммунистические митинги как синсемантические тексты	231
Глава 4. Сфера массовой коммуникации: отражение социальной дифференцированности языка в текстах СМИ (Е. В. Какорина)	241
Изменения в структуре и типологии газетных и журнальных изданий	243
Язык молодежной прессы	246
Активные процессы в языке и массовая коммуникация	250
1. Освоение и популяризация терминологии	251
2. Освоение новых иноязычных заимствований	258
3. Жаргонизация речи	265
Глава 5. Отражение социальной дифференциации языка в языковой жизни малых социальных групп (на примере семьи) (А. В. Занадворова)	277
Вводные замечания	277
1. Специфика семейной речи	279
2. Семейный «словарь»	284
3. Имена, прозвища и обращения в семье	293
4. Семейные номинации	311
5. Семейная фразеология	323
6. Выводы	339
Глава 6. Сфера религиозной коммуникации: храмовая проповедь (Н. Н. Розанова)	341
Вводные замечания	341
Некоторые жанровые и стилистические особенности сферы религиозной коммуникации	343
Проповедь как специфический жанр сферы религиозной коммуникации	348
1. Партнеры коммуникации	350
2. Тематическое пространство	353
3. Жанровая структура, композиционные и стилистические особенности современной проповеди	355

Часть III

Социальные различия говорящих и их речевое поведение

Глава 1. Речевое общение в социально неоднородной среде (Л. П. Крысин)	367
---	------------

Глава 2. Кодовые переключения в речевом поведении говорящего (<i>Л. П. Крысин</i>)	375
Глава 3. Речевое общение в малых социальных группах (на примере семьи) (<i>А. В. Занадворова</i>)	381
Семья как малая социальная группа	381
1. Определение понятия	381
2. Функции семьи	383
3. Распределение обязанностей в семье	383
Семейная речь: общие положения	384
1. Полигlossность семейного общения	384
2. Семейный этикет	387
3. Асимметрия семейных ролей	394
Глава 4. Речевое общение в неиерархизованных общностях говорящих: рынок (<i>М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова</i>)	403
Вводные замечания	403
Коммуникативные характеристики рынка	410
1. Пространство	410
2. Время	411
3. Партнеры коммуникации	411
4. Тема	415
Выкрики-засывы как специфический жанр рыночной коммуникации	416
Ситуация купли-продажи: коммуникативное взаимодействие «продавец — покупатель»	424
Речевые тактики убеждения на рыночной площади	436
Разновидности рыночного локуса и их жанровые особенности	442
1. «Рынок на колесах»	442
2. Птичий рынок («Птичка»)	447
Глава 5. Иноязычное слово в речевом узусе разных социальных групп (по данным социолингвистического опроса) (<i>Е. В. Какорина</i>)	455

Часть IV

Социально-речевые портреты носителей современного русского языка

Предварительные замечания	481
Глава 1. Речевой портрет представителя интеллигенции (<i>Л. П. Крысин</i>)	483
Неоднородность объекта	483
Особенности набора языковых единиц	485
1. Фонетика	485
2. Лексика, словоупотребление	488
Особенности речевого поведения	490

1. Формулы общения	490
2. Прецедентные феномены	493
3. Языковая игра	494
Глава 2. Речевой портрет носителя просторечия (В. Д. Черняк)	497
Глава 3. Речевой портрет бизнесмена (Т. А. Милёхина)	515
Глава 4. Речевой портрет «нового русского» как героя анекдота и ли- тературного персонажа (Е. Я. Шмелёва)	527
Заключение (А. П. Крысин)	535
Библиография	537

Введение
Проблема социальной и функциональной
дифференциации языка
в современной лингвистике

Л. П. Крысин

1. Единство и целостность языка не означают его однородности: каждый национальный язык един и целостен в многообразии своих проявлений — в диалектах, койне, жаргонах, литературно обработанных формах.

Лингвистов издавна интересует вопрос о характере членения национальных языков на подсистемы (в иной терминологии — формы существования языка). Интерес этот не праздный. Выяснение указанного вопроса важно теоретически, с точки зрения функциональной структуры языка и способности этой структуры удовлетворять разнообразные коммуникативные потребности общества. Правильное представление о подсистемах необходимо и для нужд речевой практики, в частности, для выбора функционально наиболее пригодной подсистемы, с помощью которой можно «обслужить» большую часть социальных сфер общения.

Обычно такой полифункциональной подсистемой является литературный язык (в западной и американской лингвистике используется термин «стандартный язык», или «стандарт») как язык культуры, науки, образования, законодательства и делопроизводства, как средство общения образованной и культурной части общества.

Выделившись из состава национального языка в ходе его исторического развития, литературная форма не порывает связей с другими формами существования национального языка — диалектами, просторечием, жаргонами. На каждом этапе языковой эволюции взаимодействие этих подсистем своеобразно и отражает — не прямо, путем сложных опосредствований — социальные процессы, протекающие в обществе. Регулятором взаимодействия литературного языка с иными подсистемами является норма: она призвана фильтровать средства, идущие в литературное употребление из диалектной, просторечной и жаргонной среды. Но, как известно, и сама норма подвержена изменениям во времени; кроме того, и социальные оценки нормативных установок также колеблются в зависимости и от времени, и от характера тех процессов, которые происходят в обществе.

Например, демократизация состава носителей русского литературного языка в 20-х годах XX столетия привела к расшатыванию традиционной литературной нормы, к допущению в литературный оборот таких средств, которые раньше оценивались как неправильные, недопустимые в нормативном употреблении (ср., например, смену традиций в произношении: старомосковские образцы заменяются вариантами, более близкими к письменному облику слова — см. об этом [РЯиСО, кн. 4]; проникновение в литературный словарь диалектных и просторечных лексических элементов вроде слов *учёба*, *неполадки*, *косовица*, *доярка*, *напарник* и под., которые довольно быстро укрепили свои позиции в литературном языке и сейчас не ощущаются как нечто для него инородное).

Вторую волну изменений в составе носителей русского литературного языка можно наблюдать в конце XX в. Эти изменения связаны не столько с демократизацией контингента владеющих литературной речью (как было в 20-е годы, когда к традиционному носителю литературного языка — интеллигенции — прибавились значительные по численности группы выходцев из рабочих и крестьян), сколько с вхождением в публичную жизнь таких групп людей, которые в своих привычках и пристрастиях привержены разного рода жаргонам и другим формам неcodифицированной, нелитературной речи. Кроме того, отход в области социальной жизни от канонов и норм тоталитарного государства, провозглашение свободы как в общественно-политической и экономической сфере, так и в человеческих отношениях сказываются, в частности, на оценках некоторых языковых фактов и процессов: то, что раньше считалось принадлежностью социально непрестижной среды (преступной, мафиозной, просто малокультурной), начинает приобретать «права гражданства» наряду с традиционными средствами литературного языка. Ср.:

«Мы не замечаем, как криминал входит в быт, в лексикон, как языком эзков и урок заговорили телевидение и радио, как поменялись местами минусы и плюсы общественного поведения, как отменными оказались вековые заповеди и табу, выработанные человечеством для самозащиты» («Известия», 11 ноября 1997 г.).

В 80—90-е годы XX в. литературный русский язык, особенно в своей устно-разговорной форме, испытывает сильнейшее влияние жаргонной и просторечной языковой среды. Это влияние выражается и в потоке жаргонной и просторечной лексики и фразеологии, хлынувшей на страницы художественной литературы, публицистики, в язык средств массовой информации (что уже неоднократно отмечалось исследователями¹), и в более свободном, чем раньше, использовании обценной лексики, в том числе на страницах печати, в радио- и телеэфире, и в экспансии морфологических

¹Из работ, вышедших в последнее десятилетие, см., например, [О состоянии... 1991; Дуличенко 1994; Костомаров 1994; Русский язык... 1996; Ферм 1994; Кёстер-Тома 1993; Кёстер-Тома 1994; Zybatow 1995] и нек. др.

и синтаксических моделей, не характерных или малохарактерных для традиционной системы литературного языка: ср., например, широкое распространение форм на *-а(-я)* в именительном падеже множественного числа существительных мужского рода с основой на согласный (*инспектора, взвода, флота, ниттеля, слесаря* и т.п.), расширение функций некоторых предлогов, например, предлога ПО: *принять решение по банкам, определиться по этой проблеме, обсуждение по Ираку* и т.п., изменения в синтаксическом управлении некоторых глаголов (*заказать кого* вместо нормативного *заказать что* в контекстах типа *Киллерам заказали этого бизнесмена* — вместо *...заказали убийство этого бизнесмена*) и т.п.

2. Взаимоотношения стандарта с другими подсистемами национально-го языка, а также внутренние процессы, происходящие в каждой из этих подсистем и связанные с условиями ее функционирования, имеют двойную природу — языковую и социальную. Изучение как собственно языковых, так и социальных механизмов, управляющих этими процессами, ведется в русистике достаточно давно². Однако, несмотря на значительность результатов, полученных в ходе такого изучения, нельзя сказать, что проблемы, связанные с функционированием русского национального языка и, в частности, с его социальной и функциональной дифференциацией, исследованы в достаточной мере и что здесь имеется полная ясность. Напротив, многие вопросы еще ждут всесторонне обоснованных ответов.

Таковы, например, вопросы, касающиеся соотношения социальной структуры общества и социальной структуры языка (исследователи справедливо говорят об отсутствии изоморфизма в этих отношениях³, но какковы же они, если не изоморфны?), социальной дифференциации языка и его функциональной вариативности, причин локализации или, напротив, распространения в разных слоях общества и в разных функциональных стилях языковых новшеств, вопросы, относящиеся к различным аспектам речевого поведения представителей тех или иных социальных групп (зависимость характеристик речевого поведения от изменения социальной

²Помимо ставших классическими работ Е. Д. Поливанова, Б. А. Ларина, А. М. Селищева, А. П. Якубинского, Г. О. Винокура и других лингвистов первой трети XX в., в которых описывались социально обусловленные изменения в русском языке после революции, — это исследования, осуществленные во второй половине нынешнего столетия; см. [РЯиСО; РЯДМО; цикл работ по русской разговорной речи, выполненных под руководством Е. А. Земской; Социально-лингвистические исследования 1976; Городское просторечие 1984; Разновидности... 1988; Русский язык... 1993; Крысин 1989а; Русский язык... 1996; Русский язык 1997] и др.

³Ср. мнение немецкого лингвиста М. Бирвиша: «Нет простого и очевидного соответствия между характером социальных и экономических условий, с одной стороны, и языковыми особенностями, с другой. Иначе говоря, основные различия между экономически неоднородными социальными группами не имеют прямого отражения в системе языковых разновидностей, существующих в данном речевом обществе» [Bierwisch 1976: 420].

роли говорящего, от смены адресата, от того, общается ли человек со «своими» или с «чужими», и т.п.), к формированию социальных оценок, выносимых говорящими по поводу тех или иных языковых фактов, той или иной манеры речевого поведения, и многое другое.

3. Весь этот комплекс вопросов и составляет тему, сформулированную в названии нашей книги, — «Социальная и функциональная дифференциация современного русского языка». Совершенно очевидно, что, начиная исследование столь сложной и многоплановой темы, мы проявили бы излишнюю самонадеянность, если бы заявили, что она будет изучена нами детально и всесторонне. Более плодотворным представляется такой подход к ее освещению, когда в центр исследовательского внимания ставятся некоторые актуальные, но недостаточно изученные вопросы (подобные перечисленным выше): их обсуждение, с привлечением мнений других ученых и с анализом конкретного языкового материала, может наметить наиболее перспективные пути решения данной проблемы.

Однако, прежде чем обращаться к анализу социальной и функциональной дифференциации русского языка, необходимо представить, хотя бы в общих чертах, состояние разработки соответствующей проблематики в современной лингвистике.

4. Социальную дифференциацию языка многие исследователи считают наиболее отчетливой формой связи между языком и обществом. Поэтому, например, В. М. Жирмунский полагал задачу изучения социальной дифференциации языка одной из двух главных задач, стоящих перед социолингвистикой (вторая, органически связанная с первой, — изучение социально обусловленного развития языка; см. [Жирмунский 1969: 14]); высказывается также мнение о том, что ограничение предмета социолингвистики двумя этими задачами неправомерно; см. [Звегинцев 1982].

Проблема социальной дифференциации языка имеет давнюю традицию в мировой лингвистике. Она берет свое начало с известного тезиса И. А. Бодуэна де Куртене о «горизонтальном» (= территориальном) и «вертикальном» (собственно социальном) членении языка [Бодуэн де Куртене 1963]. Этой проблеме уделяли внимание такие известные представители французской социологической школы в языкознании, как А. Мейе, Ш. Балли, Ж. Вандриес, А. Сеше, а также В. Матезиус, Б. Гавранек (Чехословакия), Э. Сепир (США), Дж. Фёрс (Великобритания) и др.

Значителен вклад в изучение этой проблемы отечественных ученых — Е. Д. Поливанова, А. М. Селищева, Р. О. Шор, Л. П. Якубинского, Б. А. Ларина, В. М. Жирмунского, М. Н. Петерсона, В. В. Виноградова, Г. О. Винокура, М. М. Бахтина и других (обзор работ 20—30-х годов по социологии языка см. в [Орлов 1969б; Баранникова 1970; Гухман 1972]; специально о социолингвистических работах Е. Д. Поливанова, В. В. Виноградова, Г. О. Винокура см. в [Крысин 1980, 1981, 1999]).

Для современного этапа разработки этой проблемы характерны следующие особенности.

1. Отказ от широко распространенного в прошлом прямолинейного взгляда на дифференциацию языка в связи с социальным расслоением общества: согласно этому взгляду, расслоение общества на классы прямо ведет к формированию классовых диалектов и «языков» (особенно отчетливо такая точка зрения выражена в известной книге А. М. Иванова и Л. П. Якубинского «Очерки по языку» [Иванов, Якубинский 1932], а также в статьях Л. П. Якубинского, публиковавшихся в 30-е годы в журнале «Литературная учеба»).

Более убедительной и в настоящее время разделяемой большинством лингвистов представляется точка зрения, согласно которой природа и характер отношений между структурой общества и социальной структурой языка весьма сложны. В социальной дифференциации языка получает отражение не только и, может быть, даже не столько современное состояние общества, сколько предшествующие его состояния, характерные особенности его структуры и изменений этой структуры в прошлом, на разных этапах развития данного общества (ср. известное положение об отставании темпов развития языка от темпов, которыми развивается общество).

«Социальная дифференциация языка данного общественного коллектива, — писал по этому поводу В. М. Жирмунский, — не может рассматриваться статически, в плоскости синхронного среза, без учета динамики социального развития языка. Язык данной эпохи, рассматриваемый в его социальной дифференциации, всегда представляет систему в движении, разные элементы которой в разной мере продуктивны и движутся с разной скоростью. Механическое сопоставление последовательного ряда синхронных срезов также не в состоянии воспроизвести динамику этого движения. Описывая структуру языка с точки зрения ее социальной дифференциации, мы должны учитывать ее прошлое и будущее, то есть всю потенциальную перспективу ее социального развития» [Жирмунский 1969: 14].

Надо сказать, что отказ от прямолинейности в трактовке проблемы социальной дифференциации языка иногда и до сих пор осуществляется чисто декларативно, в описании же конкретных социально-языковых связей нет-нет да и проявляется вульгарно-социологический подход к интерпретации этих связей.

Так, с рассматриваемой точки зрения явным анахронизмом представляется теория «языкового дефицита», разработанная современным английским психологом и педагогом Б. Бернштейном и получившая широкую известность в странах Западной Европы и в США. Эта теория напрямую соотносит так называемый ограниченный языковой код с низшими слоями общества, а разработанный код — с высшим и средним классами. Как убедительно, с привлечением экспериментального материала показал

У. Лабов, в использовании более или менее разработанных языковых кодов существенную роль играют не только социальные различия между говорящими, разность их культурного уровня, уровня образования и т. п., но и те условия, в которых происходит реализация различных языковых кодов. Изучая группы подростков-негров, принадлежащих к низшим слоям современного американского общества, он установил, что в естественных коммуникативных условиях — главным образом, при внутригрупповом общении — речь подростков весьма гибка и разнообразна. С другой стороны, подростки из обеспеченных, культурных семей не всегда прибегают к разнообразным речевым средствам; например, в семейных ситуациях, в разговорах с родителями они пользуются однообразным словарем и ограниченным набором синтаксических конструкций [Labov 1972: 201—240].

В большинстве современных социолингвистических исследований проблема социальной дифференциации языка изучается с преимущественным вниманием к таким языковым образованиям, существование которых определяется в конечном счете различиями в собственно социальных, профессиональных, образовательных, культурных и некоторых других «приобретенных» характеристиках говорящих.

Вместе с тем отмечается одна важная черта, свойственная социальной дифференциации многих языков в современных условиях:

«...возникает новая структура социальной дифференциации языка, в которой многие издавна используемые категории наполняются новым содержанием. Вместо традиционно противопоставлявшихся друг другу социальных и территориальных диалектов... формируются новые образования, лежащие на пересечении социальных и несоциальных измерений, — социально-территориальные, этносоциальные, социально-демографические и др. диалекты» ([Швейцер 1982: 47]; в качестве одного из примеров превращения территориального диалекта в диалект этносоциальный автор приводит так называемый Black English — диалект американских негров).

В последние десятилетия усилился интерес к изучению дифференциации языков в зависимости от пола говорящих. При этом одним из основных является тезис о том, что влияние половых различий между говорящими на их речь характерно не только для так называемых примитивных языков, но и для языков, обслуживающих современные цивилизованные общества.

Так, справедливо отмечая, что «контакты между полами столь постоянны и интенсивны, что значительные языковые различия не могут долго удерживаться», Дж. Хертцлер всё же считает, что «в нашем обществе (имеется в виду прежде всего современное американское общество. — Л. К.) мужчины и женщины всё ещё имеют речевые особенности, которые создают известные трудности в осуществлении точной коммуникации» [Hertzler 1965: 320—321].

Кажется, что в этом утверждении есть некоторое преувеличение роли половых различий в современных языках. В действительности, как показывают исследования различий между «мужской» и «женской» речью в конкретных языковых сообществах, эти различия касаются достаточно периферийных участков языка и едва ли могут создавать трудности при коммуникации. Например, Р. Лаков обнаружила любопытные несходства в наборе цветообозначений (у мужчин-американцев их значительно меньше, чем у американок), этикетных и оценочных единиц (типа *darling, fine*), в использовании некоторых типов синтаксических конструкций английского языка [Lakoff 1973]. Различия проявляются также в зависимости от пола адресата речи (см. об этом [Brouwer et al. 1978]), а также от того, в какой среде происходит речевое общение → однородной или смешанной по половому признаку: очевидно, например, что мужчины в общении между собой могут использовать такую лексику, которая мало пригодна для общения с женщинами.

Формируется особое направление социолингвистических исследований → так называемая *gender-linguistics*, или гендерная лингвистика, изучающая все виды языкового и речевого варьирования, обусловленные полом носителей языка (см. об этой проблематике [Земская, Розина 1994; Потапов 1997; Language and sex 1975; Social markers... 1979] и др.). Это направление в социолингвистике возникло не без влияния социологии, в которой издавна изучаются различия в статусах и в ролевом поведении людей, обусловленные их различиями по полу, и термин «гендерный» используется достаточно широко (см. об этом [Смелзер 1994]).

2. С отказом от прямолинейной трактовки проблемы социальной дифференциации языка и признанием сложности социально-языковых связей сопряжена другая особенность разработки указанной проблемы в современном языкознании: при общей тенденции к выявлению системных связей между языком и обществом социолингвисты указывают на механистичность и априоризм такого подхода к изучению этой проблемы, который декларирует полную изоморфность социальной структуры языка и структуры обслуживаемого им общества (критику теории изоморфизма см. в [Ярцева 1968: 41 и сл.; Швейцер 1976: 27 и сл.; Швейцер 1982: 40—41]).

Преувеличенное (и потому неправильное) представление об изоморфности языковой и социальной структур в определенной мере объясняется отсутствием вплоть до середины 60-х годов XX в. эмпирических социолингвистических исследований: в трактовке социально-языковых связей преобладал умозрительный подход. С появлением работ, опирающихся на значительный по объему и достаточно надежный языковой и социальный материал (из наиболее ранних публикаций этого рода см. прежде всего [Лавов 1966а и РЯиСО]), шаткость теории изоморфизма стала более очевидной.